

Список литературы:

1. Алексеева, Е.Н. Стилистические особенности архитектуры Крыма конца XIX – первой половины XX века на примере общественных зданий Симферополя / Е.Н. Алексеева, А.В. Бурьян // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 11-1. – С. 32-34
2. Котляр, Е.Р. Традиционные элементы народного искусства этносов Крыма в декоре эпохи модерна / Е.Р. Котляр // Культура и цивилизация. – 2016. – № 4. – С. 351-362
3. Хлевной, В.А. Античный паттерн в крымском культурном ландшафте / А.В. Хлевной // Урбанистика. – 2024. – № 1. – С. 17-36

УДК 912.648

DEEP MAPPING В ПОЛЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Кравченко Иван Васильевич,

старший преподаватель

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь);

Андрющенко Ирина Александровна,

кандидат культурологии, доцент

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Аннотация. В статье рассматривается новый для российской академической подход к созданию картографических моделей пространства – Deep Mapping. Отсутствие конвенционального определения, проблематичный статус новой техно/методологии, её междисциплинарный характер, попытка объединения науки и искусства в перформативных практиках моделирования – сумма этих неопределенностей провоцирует исследователя на ревизию методологического инструментария в рамках пространственного поворота и рефлексии над ситуацией растущей потребности в развитии междисциплинарных связей.

Ключевые слова: Deep Mapping, картографирование, пространственная модель, ландшафт, локация, память места.

Annotation. The article discusses a new approach for Russian academics to creating cartographic models of space – Deep Mapping. The lack of a conventional definition, the problematic status of the new techno/methodology, its interdisciplinary nature, the attempt to combine science and art in performative modeling practices – the sum of these uncertainties provokes the researcher to revise the methodological tools within the framework of the spatial turn and reflect on the situation of the growing need for the development of interdisciplinary connections.

Key words: Deep Mapping, cartography, spatial model, landscape, location, memory of place.

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 24-28-20502 «Создание прототипа цифрового каталога санаторно-курортных архитектурных объектов советского периода по технологии Deep Mapping»

Постановка проблемы. Deep Mapping – это технология или методология? Сама возможность такой формулировки вопроса свидетельствует о «невстроенности» практик Deep Mapping (далее – DM) в отечественный академический дискурс. Так, попытка научнообразного перевода термина «DM» уже представляет собой проблему, поскольку

поиски приводят нас к необходимости привлечь эквивалентные термины из области географических наук. На помощь приходят такие географические дисциплины, как геофизика, гидрология, спелеология и их множественные подразделения, которые в том числе занимаются вопросами измерения глубины того или иного пространства, технологиями картографирования объектов лито- и гидросферы. При этом сама техническая и организационная специфика ДМ неизбежно ускользает, и остаётся неясным, каковы возможности ДМ как технологии, способной оптимизировать сбор данных по заранее заданной методике, или же самостоятельной методологии, способной обеспечить получение качественно нового среза данных и увеличить эвристический потенциал исследовательской работы.

Изложение основного материала. Оставляя ключевой вопрос открытым для дискуссии, мы предлагаем компромиссную операциональную интерпретацию статуса ДМ и рассматриваем его как подвижный ансамбль технических и методических приёмов, позволяющих пересмотреть традиционные подходы к созданию картографических описаний местности, и представить новую, более гибкую, стратегию исследования территории, совмещающую работу со сложными пространственными макромоделями (ландшафт, климат, флора, транспортная инфраструктура и т.д.), архивными данными, задокументированными свидетельствами памяти отдельных людей и сообществ и художественными образами, зафиксированными в живописи, фотографии, фильмах, литературе.

ДМ как пограничный между искусством и наукой феномен появляется в условиях пространственного поворота в гуманитарных науках [1]. Как точку отсчета ДМ-практик можно выделить 2000-й год, когда был реализован первый проект подобного формата [2], в состав команды которого входили художник, теолог и археолог.

Если рассматривать научные истоки ДМ, можно выделить следующие основания:

1. Интерпретативная антропология К. Гирца, в центре которой находится методология насыщенного описания, стимулирующая исследователя на производство множественных интерпретаций события, используя большое количество подробностей, полученных при наблюдении.

2. Психогеография Ги Дебора и практики дрейфа (Dérive), предполагающие бесцельное странствование, фланирование субъекта по поверхности городского ландшафта, порождающие уникальный интроспективный опыт случайных встреч и столкновений с внешней средой в ходе прохождения спонтанных маршрутов.

3. Кино- и литературная география, проблематизирующая соотношение реального и символического ландшафтов, представленного в художественной литературе и кинематографе. В рамках этой дисциплины формируется представление о принципе смежности территорий, принадлежащих к различным регистрам реальности (детали реально существующего ландшафта переносятся в прозу или поэзию, пройдя трансформацию посредством применения художественных приёмов; затем по мотивам этого произведения создается сценарий для фильма, в котором мы наблюдаем уже новую версию ландшафта, силой авторского замысла отличающуюся от своего оригинала).

4. ГИС-археология/история – технологические надстройки над традиционными дисциплинами, открывающие доступ к созданию сложных информационных моделей пространства, привязанных к данным спутниковой навигации и обеспечивающих качественно новый уровень координатной привязки исследуемых объектов.

Контурно обозначим основные принципы, которые соотносятся в общей рамке ДМ-картографирования с определенным (но не строгим) набором оптик:

1. На ДМ-карте оппозиция «природное/культурное» устраняется, чтобы раскрыть то положение вещей, которое свойственно реальности до «великого пришествия» системы научного знания с её установкой на изначальное разнесение объектов по отдельным отраслям: объекты смыкаются друг с другом, выстраивая сложные и изменчивые связи, переходя друг в друга, образуя сложную инфраструктурную контингентность. Сама логика таких гиперобъектов как «природа» и «культура» теряет свою значимость, уходя на второй план и освобождая пространство для манёвра картографа, который может создавать разные конфигурации объектов, игнорируя их привязку к тому или иному дисциплинарному полю (своего рода методологический анархизм).

2. Обращение к свидетельствам индивидуального опыта на DM-карте представляется таким же важным, как и фиксация параметров ландшафта, транспортной, производственной и рекреационной инфраструктуры, а также климатических, экологических, социально-географических показателей (этот перечень не является исчерпывающим). Именно такие идеографические свидетельства представляют особую значимость в контексте миссии самого DM-проекта: отображать не окончательное состояние пространства, но его потоковый характер, где находится место для отображения как человеческих (отдельные персоналии, архивные документы с воспоминаниями, действующие сообщества) так и не-человеческих агентов (архитектурные объекты, сети коммуникаций, детали ландшафта, растения и животные).

3. Отсюда проистекает принцип симметричности форматов данных: стратегия использования DM-карты подразумевает последовательное смешивание слоёв, контекстов и траекторий интерпретации представленного материала. При этом на карте возможно присутствие нехарактерных слоёв, которые проблематично найти в традиционном атласе. Это звуковое (soundscape); ольфакторное (smellscape), гаптикальное, вкусовое измерения, т.е. те части перцептивного спектра, которые транслируют большое количество специфических данных, влияющих на характерное восприятие локации и формирующих дополнительный набор пространственных свойств.

Выводы. Существует вероятность, что использование возможностей, которые предоставляет такая статусно проблематичная (техно)методология как DM, приведёт исследователей к переосмыслению практик картографирования и развитию континуального подхода к созданию пространственных моделей: от набора данных внешней среды – к её вернакулярному образу. Сам объект исследования будет включен в производство научного знания посредством многоуровневой карты в DM-формате.

Список литературы:

1. Bodenhamer, D. Making Deep Maps: Foundations, Approaches, and Methods / D. Bodenhamer. – London: Routledge, 2022. – 200 p.
2. The Three Landscapes Project: сайт. – URL: <https://web.stanford.edu/~mshanks/MichaelShanks/62.html> (дата обращения: 20.05.2024)

УДК 008:7.036

ПОДЛИННОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА НА ПРИМЕРЕ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Кугушева Александра Юрьевна,

кандидат культурологии

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым
«Симферопольский художественный музей» (г. Симферополь)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы существования музея и музейного предмета в современном цифровом обществе. Музей как социальный институт появляется с целью хранения, изучения и объяснения смысла экспонатов, опирается на их подлинность и культурный контекст породившей их эпохи. Распространение репродукций и цифровых копий нивелирует значение подлинника и замещает его узнаваемостью виртуального образа. Музей выстраивает работу уже не вокруг предмета, а вокруг посетителя. Экономика впечатлений обуславливает новые формы взаимодействия с аудиторией, а главным условием посещения становится не подлинность и культурный контекст экспоната, а личностные переживания и субъективные впечатления зрителя.

Ключевые слова: музейный предмет, культурный контекст, подлинность, репродукция, В. Беньямин, А. И. Куинджи, экономика впечатлений.

Annotation. The article examines the problems of the museum and a museum object existence in a modern digital society. The museum as a social institution appears for the purpose of storing, studying and explaining the meaning of the exhibits, based on their authenticity and the cultural context of their historical epoch. The distribution of reproductions and digital copies